

СТОЛЕТИЕ ЯПОНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1

В 1968 г. Япония отмечает столетие Мэйдзи-исин («Мэйдзийского обновления»), как обозначается это событие в японской историографии и в общественном обиходе, или буржуазной революции, как определяет его историческая наука.

В XVI—XIX вв. в мировой истории протянулся ряд буржуазных революций, шаг за шагом продвигавших вперед экономическое, социальное и культурное развитие человечества, означавших смену общественного способа производства. Эти революции произошли в передовых тогда странах Европы, в которых уже со времен Ренессанса созревали предпосылки перехода к критической, а это значит — последней, фазе феодализма. Такими странами оказались Нидерланды, Англия (как сама, так и ее колонии в Северной Америке) и Франция. Поэтому первые буржуазные революции и совершились именно в них: нидерландская — в 70-х годах XVI в., английская — в 40-х—50-х годах XVII в., американская — в 70-х годах XVIII в., французская — в 1789—1794 гг. За ними последовали: революция 1848—1849 гг. в Германии; в те же годы — в Австрии, Венгрии, Чехии; в 40-е—50-е годы — в Италии, Испании. В 1861 г. в России созревшая революционная ситуация завершилась падением крепостничества с последующими преобразованиями. Так постепенно складывалась мировая система капитализма. Колониальные захваты Голландии, Англии и Франции втягивали в нее одну часть мира за другой. Первым реальным проявлением этого процесса было возникновение мирового капиталистического рынка.

Открытие для иностранной торговли первых портов в Китае произошло в 1842 г., в Японии — в 1854 г. Обе эти страны, тогда феодальные, были втянуты в мировой рынок насильственно: Китай — в результате поражения в первой «опиумной» войне с Англией, Япония — под дулами орудий американской эскадры. Тем самым для них тогда создавалась перспектива включения в мировую систему капитализма если и не в качестве колоний или полуколоний, то, во всяком случае, зависимых стран. С Китаем так и произошло. Единственным в тех условиях эффективным средством завоевать себе независимое место в этой системе был быстрый переход на тот же — тогда передовой — уровень социально-экономического культурного развития, а это означало — произвести у себя революционный переворот. Китай пытался это сделать, что своеобразно преломилось в тайпинском восстании в 50-е—60-е годы XIX в., но его успеху помешала весьма сложная внутренняя и внешняя обстановка, а еще более — противоречивость сил, действовавших в самом движении тайпинов. Япония успела это сделать, почему она и вошла в мировую капитали-

стическую систему не как объект, а как субъект. В этом смысле она оказалась последней такой страной: революция в ней замкнула цепь тех буржуазных революций, которые превратили капитализм в систему, охватившую весь мир. Все последующие революции — 1905—1911 гг. в Иране, младотурецкая в 1908 г. в Турции, синьхайская в 1911 г. в Китае — произошли уже при сложившемся капиталистическом способе производства.

* * *

Что же помогло Японии сто лет назад совершить эту, столь необходимую для дальнейшего экономического и социального развития революцию?

Разумеется, прежде всего условия внутри страны, наличие в самом японском обществе сил, созревших для революционных действий. Но на мобилизацию этих сил свое влияние оказывала и внешняя обстановка — ситуация, сложившаяся в середине XIX в. в ближайшем к Японии внешнем мире — на азиатском континенте, притом в тех странах, с которыми Япония была издревле связана всей своей культурой, — в Китае и Индии.

В 50-х годах в Индии одно за другим вспыхивали восстания, вызванные тяжелыми для народных масс условиями существования, но вместе с тем направленные и против английских колонизаторов, чья власть и эксплуатация усиливала тяжесть этих условий; индийское народное восстание 1857—1859 гг., которым завершилась цепь этих местных вспышек, потрясло всю систему английского господства и было подавлено с большим трудом. В те же, 50-е годы произошел ряд восстаний и в Китае: в них выразилась борьба народных масс против наиболее жестоких форм феодальной эксплуатации, охраняемой режимом маньчжурской власти; отдельные ручьи этих местных восстаний в дальнейшем слились в один мощный поток тайпинского восстания — движения, по своему политическому и социальному уровню далеко превосходившего восстание в Индии. Вести об этих событиях доходили до Японии, настораживали одних, воодушевляли других, т. е. способствовали развитию революционной атмосферы и в этой, третьей крупной азиатской державе.

События на континенте сыграли, однако, и другую роль, благоприятную не только для проведения революционного переворота, но — что было тогда крайне важно — и для его упрочения: они в значительной мере предотвратили вмешательство Англии, со стороны которой тогда могла предстать наибольшая угроза для суверенности этой новой, выходящей на арену мировой истории державы. Лишь с большим трудом английским колонизаторам удалось справиться с индийским народным восстанием. В 1856—1860 гг. потребовались их новые усилия в Китае: там произошло новое столкновение с Цинской империей, известное под названием второй «опиумной» войны; для сохранения вырванных у цинского правительства привилегий англичанам пришлось принять участие и в подавлении тайпинского восстания. Большое значение имел весь комплекс событий на Ближнем и Среднем Востоке, а также Крымская кампания 1854—1856 гг. Все это ослабило силу натиска Англии на Японию. Не могла тогда пойти на крупные операции в Японии и Америка: там в течение 60-х годов шла борьба Севера с Югом, сначала в виде открытой войны, в дальнейшем — после военной победы Севера — в форме

так называемой реконструкции Юга. Таким образом, Япония в этот критический момент своей истории многим была обязана именно революционной стихии мирового исторического процесса, стихии, проявившейся в Индии в борьбе против своих и чужеземных угнетателей, за освобождение своей страны от колониального гнета, в Китае — в борьбе против реакционного богдыханского режима, за обновление своей родины, в Америке — в борьбе за ликвидацию невольничества негров. Поэтому им, этим революционным силам, а не коммодору Перри с его пушками следовало бы воздвигнуть памятник благодарности за помощь в «Мэйдзийском обновлении».

Но, разумеется, эти внешние обстоятельства только помогли японскому народу устоять от натиска извне, обрести же силы для революционного переворота в собственном доме он мог только в самом себе. И таковые силы нашлись. Для того чтобы увидеть источники, их питавшие, следует не только противопоставить «Мэйдзийское обновление» тому, что было в Японии до этого, но и соединить с ним.

* * *

Крупнейшим событием новой истории Японии, открывшим в ней новую эру, было восстание 1637 г., по месту, где оно началось, получившее название «восстание в Симабара». Оно произошло в стране, где в XV—XVI вв. развилась городская жизнь, окрепли и развернули интенсивнейшую деятельность городские сословия; произошло в Японии, торговые и пиратские корабли которой уже более столетия бороздили воды Тихого океана — от Кореи до Индокитая; произошло в стране, где купеческие дома, разбогатевшие на заморской торговле, финансировали в 90-х годах XVI в. завоевательный поход в Корею, нацеленный в дальнейшем и на Китай, поход, закончившийся, однако, полной неудачей. На гребне потрясения, причиненного этой неудачей, и вспыхнуло восстание. В нем соединились и крестьяне, и низшее дворянство; к нему примкнула часть офицеров и военачальников отступившей правительственной армии; его поддержали купцы и ремесленники юго-западной части страны, тогда наиболее развитой. Восставшие черпали воодушевление также и в религии, но не в старой — буддийской, а в проникшей в то время в Японию христианской религии, хотя и не столь им понятной, но все-таки иной, новой, а тогда это прежде всего и требовалось.

Это был пролог к далекой еще буржуазной революции, такой же пролог, какой — восстание Ли Цзы-чэна — был разыгран в 1631—1644 гг. в Китае, какие были в своих собственных формах и в своих социально-экономических условиях и в истории некоторых западноевропейских государств, например в Германии и Франции. Но подобно тому как восстания во всех этих странах были подавлены, было подавлено и восстание в Японии.

Как и в Европе, с конца XVI в. в Японии после этого наступила полоса реакции, как и в Европе, она продолжалась сравнительно недолго: уже в конце XVII — начале XVIII в., в «годы Гэнроку» (1638—1704 гг.), взлет городской, т. е. не старой, дворянской, а новой, буржуазной, культуры — литературы, театра, искусства, общественной мысли, не говоря уже о расцвете ремесла и торговли, — возвестил начало переворота. Он произошел, как и в Европе, в обстановке режима, которому историки Запада присвоили наименование абсолютизма.

Порядки, сложившиеся в Японии в эту эпоху, хорошо раскрывают существо этого режима. По западноевропейским образцам, прежде всего по французскому, политический абсолютизм последней поры феодального этапа истории этих стран возник как результат неустойчивости экономического и социального положения двух классов: старого, уходящего — дворянства — и нового, развивающегося — буржуазии. Дворянство тогда уже не было достаточно сильно, чтобы рассчитывать на собственную мощь, и для сохранения своих прерогатив, т. е. фактически для поддержания своего существования как привилегированного слоя общества, нуждалось в поддержке со стороны; буржуазия же тогда еще не была настолько крепка, чтобы создавать свои собственные органы власти, и для обеспечения возможности своего развития также нуждалась в помощи со стороны. Именно в таких условиях и возникла абсолютная по положению и значению королевская власть, балансирующая между этими двумя классами и стремившаяся стать над ними, стать общегосударственной силой. В Японии подобная ситуация приняла свою собственную форму — Бакуфу. Правительство, возглавляемое сёгунами из дома Токугава, гарантировало феодалам их земельные владения — их основную экономическую силу, предоставив таким образом возможность продолжения эксплуатации крестьян, издавна сидевших на этих землях и их обрабатывавших; но одновременно оно поставило всю деятельность феодалов даже в их собственных владениях под свой неусыпный и жесткий контроль, устранявший опасность проявлений с их стороны какой-либо самостоятельности; купечество же и ремесленное население главных промышленных и торговых районов страны были вообще изъяты из-под власти местных феодалов и подчинены непосредственно центральному правительству, что открывало для еще не окрепшей тогда молодой буржуазии широкое поле предпринимательской и торговой деятельности, и правительство получало обильный источник средств, извлекаемых посредством торговых пошлин, единовременных налогов и принудительных займов. Порядок этот, начало которому было положено еще при Иэмицу, третьем сёгуне из дома Токугава, утвердился при Цунаёси, пятом сёгуне, своей культурной, просветительной политикой придавшем политическому абсолютизму тот же «просвещенный» облик, какой утвердился за абсолютизмом этой поры и в Европе.

Правительство, однако, продолжало поддерживать те меры, которые были пущены в ход в годы подавления симабарского восстания, прежде всего меры устрашения. Иэмицу, при котором восстание было разгромлено, усеял весь район восстания крестами, на которых висели тела инсургентов; такая же участь была уготована всем, кого, независимо от причастности к восстанию, подозревали в приверженности к христианству. Физические меры устрашения сопровождались психологическими: христианству был противопоставлен буддизм, всяким вольным мыслям — официальная идеология конфуцианства школы Чжу Си. Были приняты и меры предупредительные: запрещены поездки за рубежи страны, закрыт въезд в страну для европейцев. Одним голландцам в отплату за помощь их пушек в подавлении восстания разрешалось один раз в год посылать в Нагасаки одно торговое судно. Но и там они оставались заключенными в тесных пределах маленького островка в Нагасакской бухте, где была их фактория, и общались они только со специально назначенными для этого лицами.

Все это, однако, не помешало мобилизации внутренних сил для борьбы за будущее, и она повелась на всех участках.

Конфуцианство сунской школы (XI—XII вв.), главным образом в его завершающем синтезе Чжу Си, разработало всеобъемлющую систему миропонимания и определило точные и ясные нормы мышления и поведения человека, признанного реальным деятелем общественного процесса. В пору своего становления, происходившего в борьбе с буддизмом, даосизмом, а более всего — с правоверием средневекового конфуцианства, превратившегося в чисто схоластическую догму, сунская школа играла выдающуюся роль, став одной из самых мощных философских школ ренессансного типа в китайской истории. В дальнейшем же — после краха ренессансных начал в жизни общества, после полосы реакции, а позднее — с приходом Китая к своей форме политического абсолютизма — эта философская система была использована правительством и тем самым сама стала догмой, т. е. из двигателя интеллектуального и общественного прогресса превратилась в его тормоз. Естественно, что и народившийся абсолютизм в Японии сделал конфуцианство школы Чжу Си своей идеологической опорой.

Однако знаменем века стала не столько эта философская школа, сколько те течения общественной мысли, которые повели борьбу с нею. Ито Дзинсай и его сын Ито Тогай противопоставили конфуцианству школы Чжу Си «древнее учение», т. е. конфуцианство начальной поры его истории, поры, связанной с деятельностью самого Конфуция и его крупнейшего последователя — Мэн-цзы. Накаэ Тодзю противопоставил учению Чжу Си принципы школы Ван Ян-мина, провозгласившего автономную человеческую личность единственным началом, направляющим и познание и поведение.

Одна из важнейших формул этого учения — «знание и действие едины», — воспринятая как призыв «знать — значит действовать», стала впоследствии даже своего рода лозунгом некоторых антиправительственных движений, как, например, мятежа Осиро Хэйхатири, разразившегося в 1837 г. в Осаке — одном из трех крупнейших торгово-промышленных и культурных городов Японии — на фоне огромного движения среди крестьянства (в 1834—1837 гг. в разных частях страны вспыхивало по 20—30 крестьянских бунтов в год).

От идеи самодовлеющей ценности человека как такового отпадалось и другое течение общественной мысли, получившее наименование *сингаку* («учение о душе»), причудливо сочетавшее в себе элементы конфуцианства, буддизма, синтоизма и даже даосизма. Оно провозгласило равенство четырех сословий, на которые официально разделялось общество той эпохи: «дворяне, крестьяне, ремесленники, купцы» — гласила формула этого учения — «у них всех природа — одна, и все они равны; они — вассалы Поднебесной», т. е. граждане одного большого, целого государства. Именно это учение, главную роль в оформлении которого сыграл Исида Байгэн, пользовалось особым успехом в городской среде, где формировалась ранняя буржуазия. Позднее эта же мысль о равенстве всех людей получила новое развитие в другом общественном лагере — среди тех японцев, которые имели возможность знакомиться с идеями, идущими с Запада. Так, например, Сиба Кокан, переведший в 1808 г. на японский язык работу Коперника о движении небесных тел, в 1812 г. писал: «Все, начиная с Сына Неба (императора. — Н. К.) и сёгуна и кончая дворянами, крестьянами, ремесленниками, купцами, париями и нищими, все они в равной мере — люди».

Буддизму был противопоставлен синтоизм — комплекс старых народных верований, отраженных в древних письменных памятниках («Код-

зики», «Нихонги», «Норито»), приведенных с помощью этих памятников в систему и истолкованных как национальная религия, противопоставляемая чужеземной. Главным содержанием синтоизма Мотоори Норинага сделал учение о «естественном состоянии» человека, определяемом действием в нем *магокоро* («чистого сердца»). «Все люди,— писал в 1787 г. Мотоори в «Тамакусигэ», книге своих заметок,— имеют в себе *магокоро*. *Магокоро* — что оно? Существуют разные степени разумности и неразумия, добра и зла, искусности и неискусности; у каждого человека все это — по-своему. Но природа человека в своей большей части склонна к добру, и, если этой склонности дать развиваться естественным порядком, зло никогда не одержит верх над добром. Поэтому человек без всякого руководства сам приходит к добру». В так называемом секретном издании этих заметок («Хиппон Тамакусигэ») Мотоори соединил свое учение о полноценности «естественного человека» с резкой критикой общественного зла своего времени, проявлениями которого он считал роскошь, господствующую как в верхах, так и в низах, подразумевая под верхами дворянство, под низами — главным образом купечество. Этой роскоши он противопоставил нищету низших слоев городского населения и крестьянства; источник же этого зла он видел в существующей неравномерности в распределении богатств, в пропасти, лежащей между верхами и низами; обрушился он и на взяточничество, процветавшее в правительственном аппарате. Все это привело его к заключению, что «зло в общественных низах исходит от зла в общественных верхах».

Норинага этим ограничился, но другие делали из этого вывод: «Коль скоро кто-нибудь причиняет вред обществу, его нужно покарать, будь он хоть сам правитель государства. Если его не удастся свергнуть, надо взяться за оружие и его убить. Ведь он злодей! Если это делается для блага простого народа, прогнать его и даже убить будет гуманным поступком. И никак иначе!», — заявлял Ямагата Дайни.

Он же вполне конкретно представлял себе и кто будет тот «народ», который вооруженной рукой свергнет существующую власть: нужно дать способным и зажиточным крестьянам образование и научить их владеть оружием, писал он в 1764 г., во время так называемых событий годов Мэйва («Мэйва дзикэн») — огромного крестьянского восстания, охватившего более 400 тыс. человек и жестоко подавленного силами правительства и местных феодалов. Одной из причин поражения восставших было несомненно отсутствие у них надлежащего оружия: «копье из бамбука и знамя из рогожи» — эти слова, бывшие в Японии тех времен символом крестьянских восстаний, имели и вполне реальный смысл, так как правительство и феодалы строго следили за тем, чтобы у крестьян не завелось оружие, монопольное право владеть которым было только у самураев, у дворянского сословия. Остается сказать, что оружие все же проникало и в другие слои общества того времени. Так, через сто с небольшим лет после «событий годов Мэйва», т. е. в годы революции Мэйдзи, против правительственных войск действовали вооруженные силы, составленные не только из самураев, но и из крестьян и даже горожан, как, например, прославленный *кихэтай* («отряд необычных солдат»).

Идея «естественного состояния» как надежной гарантии достойного существования человека и общества, невольно вызывающая в памяти взгляды автора «Новой Элоизы» и «Эмиля», требовала какого-то подкрепления реальным примером. Во Франции XVIII в. такой пример видели в жизни североамериканских индейцев, этих «детей природы». в Японии XVIII в.— в древности. Такую древность находили и в исто-

рии Китая — в окутанной легендами и идеализированной конфуцианцами патриархальной эпохе правителей-мудрецов, и в истории Японии — в идеализированной противниками сёгуната «эпохе царей» (*Орё-дзидай*), т. е. в те века (VII—XI вв.), когда еще не было ни особого воинского сословия, ни сёгунов, его вождей, присвоивших себе власть над всей страной. Историография пришла на помощь этой концепции. Рай Сантё всю историю своей страны с XII в., т. е. с того века, когда утвердился порядок управления страной сёгунами — через голову «царей», наследственных монархов, формально остававшихся на троне, объявил «внешней» (*гайси*). Это должно было означать, что порядок, установившийся тогда и сохранявшийся и в годы жизни Рай Сантё, не образовался «естественно», а был создан искусственно — насильственно, оружием. Именно в такой исторической концепции и кроются корни того политического легитимизма, который вошел существенной частью в сложный и противоречивый комплекс идей революции Мэйдзи: «незаконной» власти сёгунов была противопоставлена «законная» власть старых наследственных монархов (императоров), что и придало происшедшей революции внешнюю форму политической реставрации. В этом, кстати сказать, и заключается одна из особенностей буржуазной революции в Японии, вызвавшая весьма различные толкования в исторической науке.

Описанное составляет лишь одну сторону тех процессов, которые привели к революционному перевороту. Была и другая сторона, имевшая, может быть, даже большее историческое значение. На нее историки обращали меньшее внимание, почему она и менее — в аспекте подготовки революции — изучена. Укажем лишь на некоторые наиболее заметные факты.

Ниномия Сонтoku разработал и пытался осуществить план ведения сельского хозяйства на основе рационального следования законам, заложенным в самой природе, т. е. говорил о том же, о чем в XVIII в. говорили европейские физиократы, в частности Ф. Кенэ. Хонда Тосиаки указывал на настоятельную необходимость всемерно развивать добывающую промышленность, колонизировать пустующие или слабонаселенные территории, чтобы получать оттуда добавочное продовольствие и сырье; призывал к строительству крупных морских судов для развития мореплавания в дальних водах. Отдельным пунктом его программы была модернизация вооружения.

В том же направлении, что у экономистов, пошла работа и многих естествоиспытателей. Ино Дзякусуй начал, а его ученики закончили фундаментальное — в 1000 книгах! — описание природных ресурсов страны — флоры, фауны, минералов, руд. Свидетельством высокого уровня, достигнутого научной мыслью того времени, служат работы японских математиков. Сэки Кова написал «Энри» («Законы круга»). Н. И. Вавилов, познакомившийся с этой работой во время своей поездки в Японию, подтвердил сложившееся у специалистов мнение, что по своему значению эта работа японского математика второй половины XVII — первой половины XVIII в. может быть приравнена к анализу бесконечных И. Ньютона и Г. Лейбница. К этому добавим, что через нагасакскую форточку все время дул свежий ветер, заносивший в Японию семена учений Дж. Бруно, Г. Галилея, И. Кеплера, Н. Коперника. С трудами этих корифеев европейской науки знакомили своих соотечественников представленные к голландцам люди — именно те, кто по роду службы должен был знать голландский язык, т. е. переводчики и информаторы.

Если учесть надлежащим образом все эти факты, станет вполне ясным, что буржуазная революция в Японии не была ни случайностью, ни историческим парадоксом. Страна подошла к ней вполне подготовленной: она имела развитую экономику, национальный рынок в отношении многих видов товаров, хорошие пути сообщения, развитую банковскую систему; в ней была многочисленная высокообразованная и весьма активная интеллигенция; в ней действовали различные течения общественной мысли, образовавшие идеологическую почву для революционных преобразований. Наконец, к тому времени японское общество уже сложилось в то целое, которое на этом этапе социального развития истории называют нацией.

2

О чем приходится думать, наблюдая Японию в год столетия революции — на нынешнем этапе ее истории?

Этап этот начался совсем недавно — в 1945 г. И начался трагедией.

Утром 15 августа японский народ был по радио предупрежден, что ровно в полдень он услышит *гёкьюн* («яшмовые звуки»). Точно в этот час в радиорепродукторах зазвучал голос императора: *тазгатаки-о таз, синобигатаки-о синоби...* («переноса непереносимое, претерпевая нестерпимое...») — такими трагическими словами открывалось обращение к народу, возвещавшее о безоговорочной капитуляции. Утром 28 августа принц Хигасикуни, глава правительства, сформированного для того, чтобы эту капитуляцию провести, сказал журналистам: настало время *итиоку содзангэ* («всеобщего покаяния всех ста миллионов»). Сто миллионов — число тогда не столько реальное, сколько символическое; оно означало: вся нация. Теперь, через 23 года, оно более чем реально.

Не сразу эти два акта государственной власти были поняты во всей их исторической серьезности. Они вызвали разные отклики, в их числе и иронические. Сегодняшний день с его «злостью» нередко мешает оценить подлинный смысл событий. Для истории заявление императора было актом, свидетельствовавшим, что верховная власть приняла на себя всю ответственность за бедствие, в которое повержена страна. В словах премьер-министра прозвучал суровый голос истории: пусть основными виновниками бедствия были те, кто управлял страной в то время, но где же был народ? Как он допустил это? И, пожалуй, не будь этого голоса исторической совести, не пройдя через катарсис, к чему — не только по античным представлениям — приводит подлинная трагедия, японский народ не смог бы так быстро найти в себе силы, чтобы восстановить свою родину.

Прошло 23 года. Прочтите всевозможные писания, на которые так щедры иностранцы, побывавшие в Японии: эти писания испещрены восклидательными знаками. «Какие ультрасовременные отели! Таких нет и в Париже! Навесные автострады, построенные над городом, над уличным движением! Суперэкспресс Токио — Осака, мчащийся со скоростью 250 км в час, да так плавно, что вода в стакане не шелохнется! А небоскребы универмагов! А товары в них!» — восторгаются туристы.

«Смотрите! По берегу моря тянутся самоновейшие сооружения сталеплавильных комбинатов с их доменными печами и прокатными станами. И тут же — пристани глубиной до 17 м, что позволяет причаливать гигантским рудовозам. Грузоподъемность одного из недавно построенных — 100 тыс. т! Каково?» — удивляются деловые люди. А француз еще

добавляет: «Мы во Франции только строим Дюнкеркский комбинат, а у японцев таких комбинатов уже с полдюжины, да еще строятся новые, где доменные печи уже побили различные мировые рекорды». А вот и быт: предприниматели объявили, что начинают «революцию трех С». Три «С» — это *cooker* («кухонная электронная печь»), *central heating* («центральное отопление»), *cottage* («дешевые загородные домики для уикэнда»)! «Революция» в этом случае означает, видимо, резкое улучшение качества этих «трех С» и удешевление их стоимости.

Все это так и есть и может быть пополнено многими другими, столь же выразительными фактами. Но есть и кое-что, о чем пишут редко, но что не менее, если не более, существенно.

Японские вузы... Их много, и они очень различны не только по областям науки и искусства, в них представленным, но и по типу, программам, приемам преподавания, уровню. Но какой факультет встречается чаще всего? Кэйэйбу — факультет управления. На каком факультете больше всего студентов? На нем. Японцы, видимо, сочли, что в наше время главная для государственной жизни наука — наука управления производством.

Что это такое? Позволю себе ответить так, как отвечают японские справочные издания. Наука управления производством — это I. E., O. R., M. P., P. R., Design. Не удивляйтесь! В современном японском языке много слов и выражений, перенесенных в него из английского, в деловом же обиходе многие выражения даются в буквенной аббревиатуре.

I. E. — Industrial Engineering («индустриальная инженерия»). Она занимается вопросами комплексного использования людей, материалов, оборудования и решает эти вопросы на основе специальных знаний, идущих из наук математических, естественных и общественных с применением принципов и методов, употребляемых в технологическом анализе и проектировании. Коротко говоря, это — технология управления.

O. R. — Operations Research («оперативное изучение»). Это выражение возникло в годы второй мировой войны, и тогда под ним разумелось изучение материалов, позволяющих судить о противнике — его ресурсах, его действиях, его планах, изучение новейшими научными методами с применением специальных приборов. В дальнейшем было понято, что те же методы изучения можно прилагать и к деятельности предприятий и строить на его результатах соответствующие планы. Это — стратегия управления.

M. P. — Management Psychology («психология ведения дела»). Заводы, компании, банки... все в них, в сущности, состоит из того, что люди управляют людьми через людей. Поэтому управляющие должны изучать, как обращаться с работающими, считаясь с их интеллектуальным и моральным состоянием, их психическим складом, их настроениями; должны изучать, как следует организовать цех, рабочую группу, какое настроение должно там царить, как способствовать созданию такого настроения. Это — психология на службе науки управления.

P. R. — Public Relations («общественные отношения»). Эта отрасль управления исходит из мысли, что отношения между различными группами, участвующими в производственной жизни, носят общественный характер. Таков, например, характер отношений производителей и потребителей, управляющих и работающих, хозяев предприятия и профессиональных союзов на этих предприятиях; таковы отношения между отдельными группами держателей акций, между предприятиями и государственной властью. Учет всех этих отношений в организации предприя-

тия, в самом производственном процессе и составляет содержание Р. Р. Это — социология на службе науки управления.

Наконец, Design («дизайн»). Это слово можно оставить без перевода, так как оно в настоящее время применяется в специальном значении и в таком своем значении вошло в технический язык высокоиндустриальных стран. Дизайн — проектирование форм, внешнего облика вещей, участвующих в производстве и создаваемых производством; проектирование на основе учета функции этих вещей, их материала, способов их изготовления и использования. Дизайн применим к созданию музыкального произведения, к строительству космических ракет, к изготовлению холодильников и к планированию городов, к оформлению журнала и к конструированию рекламы. Это — эстетика на службе науки управления.

Поскольку совокупность перечисленных явлений сложилась в условиях капиталистического производства, то ее можно было бы определить как всеобъемлющую научную систему повышения производительности предприятий и извлечения максимальных прибылей из производства. При этом рациональный научный расчет распространяется одновременно на использование механизмов и эксплуатацию людей. В тех же справочниках можно прочесть, что коммерческий успех известной компании Сони, наводняющей мировой рынок транзисторными радиоприемниками, зиждется на двух китах: тщательно разработанной индустрии транзисторов и дешевом женском труде. Однако сказать только это означало бы создать неверное представление о науке управления как таковой. Появление этой науки — неизбежный, необходимый, всеобщий по значению результат двух важнейших в наше время исторических процессов: с одной стороны, научно-технической революции, с другой — роста демократических стремлений. Научно-техническая революция получила свое реальное воплощение в переоборудовании и переустройстве производства, т. е. вызвала новый промышленный переворот; но она же потребовала других людей, занятых в производстве: не только с гораздо более высоким, чем раньше, образованием и общим интеллектуальным уровнем, но и с гораздо более высокими специальными знаниями, со стремлением к собственной инициативе и самоуправлению, т. е. предпосылками демократии.

Эти два обстоятельства потребовали и решительного изменения всей системы управления производством прежде всего в аспекте самой, так сказать, технологии управления.

Рост и усиление демократического движения — процесс, наблюдаемый в нашу эпоху во многих капиталистических странах, крайне повысил роль трудящихся на предприятиях и заставил предпринимателей в самом управлении производством гораздо более, чем прежде, считаться с интересами и нуждами рабочих и служащих, с их общественными запросами, да и просто с человеческими настроениями. Японские предприниматели поняли эту истину, а поняв ее, возможно, вспомнили старую формулу Ван Ян-мина: «знание и действие едины». Так или иначе, с разрухой, порожденной войной, было покончено. Правда, нельзя забывать и про другое — про те оборотные средства, которые японская промышленность получила в связи с конъюнктурой. Но все же в первую очередь можно воздать должное инициативе и энергии этих предпринимателей, но еще больше, конечно, уму и труду народа.

Так что же? Остается только восхищаться тем, что достигнуто? Да, восхищаться есть чем. Но тех, кто знает Японию, чтит ее удивительный

народ, любит его культуру, его страну, их все это не только восхищает, но и ставит перед вопросом: не произошла ли гипертрофия производственного роста? А рост этот неуклонно продолжается. Бульдозеры срезают холмы, чтобы получить клочок драгоценного пространства для возведения все новых и новых заводов. Расширяющиеся города поглощают деревни. Уже сейчас в Японии восемь огромных экономических центров, в сущности — гигантских городов. Недавно еще *Кита Кюсю* означало просто «Север о. Кюсю», а сейчас это — Китакою, название города. Частично уже построены, частично строятся под морем тоннели, над морем подвесные мосты, которые соединят Хонсю, главный остров, с тремя его окружающими — Кюсю, Сикоку, Хоккайдо. История знает, что города-государства существовали: древнегреческие полисы. К ХХI в. Япония станет «сверхгородом-государством», мегаполисом. Но аналогии тут нет. В VI в. до н. э. греческие полисы могли существовать более или менее изолированно друг от друга; недаром именно тогда родилась концепция хозяйственной автаркии; во второй половине XX в. никакой полис, будь он даже мегаполисом, сам по себе существовать не может. Куда денется нескончаемый поток транзисторов, телевизоров, фотоаппаратов, синтетических тканей и т. д., если их будет нельзя сбывать по всему свету? Конечно, улучшение благосостояния народных масс вызовет новый спрос и внутри страны, но он никогда не станет соразмерным масштабам производства. Для чего будут существовать ультрасовременные верфи, если упадет спрос на морские суда? Как будет поддерживаться производство синтетических материалов, если не будет непрерывно поступать сырье, и притом именно извне? Поэтому и сейчас, как и сто лет назад, будущее Японии зависит от того, как она сумеет обеспечить себе прочные связи с остальным миром, какое место в нем она себе создаст. А в наше время это труднее, чем прежде. Тогда мир был проще: в нем господствовала одна система — капиталистическая. Теперь в нем действуют и соревнуются две — капиталистическая и социалистическая. В современном мире действуют при этом разные тенденции — реалистические, считающиеся с общим благом человечества, т. е. гуманистические по своей природе и интернационалистические по своей устремленности, и авантюристические, с общим благом не считающиеся, тем самым антигуманистические и могущие привести к националистическому противопоставлению себя другим частям человечества; действуют силы, стремящиеся обеспечить человеку — его мысли, его творчеству, его энергии — максимальную свободу и простор для блага общества, и силы, противодействующие этому.

Япония не только окружена этим сложным миром, те же противоречия в своей форме и в своем масштабе действуют и в ней самой. Поэтому для того, чтобы сохранить приобретенное, чтобы открыть путь для дальнейшего прогресса, а без этого имеющееся достояние мертвым грузом придавит страну, Японии нужно найти свое место, соответствующее ходу своей истории, с полным сохранением своего культурного облика, созданного многовековой деятельностью творческого, инициативного, энергичного народа.

Возможности у японского народа огромны. Его страна находится сейчас на высоком уровне экономического развития, и в ней сложился многочисленный высокоорганизованный рабочий класс. Если и то новое, что в наше время становится все более и более значимым явлением современной истории, — рост удельного веса и активности трудового населения, трудящихся. Каждая техническая революция имеет и свои социальные

последствия: первая, прошедшая на заре капиталистической эры, вызвала к жизни пролетариат, т. е. рабочий класс в его классическом для капитализма XIX в. виде, ликвидировав тем самым облик старого «мастерового»; вторая, нынешняя научно-техническая революция решительно меняет облик старого рабочего, превращает его в образованного специалиста, чрезвычайно расширяя состав и масштаб этого слоя общества.

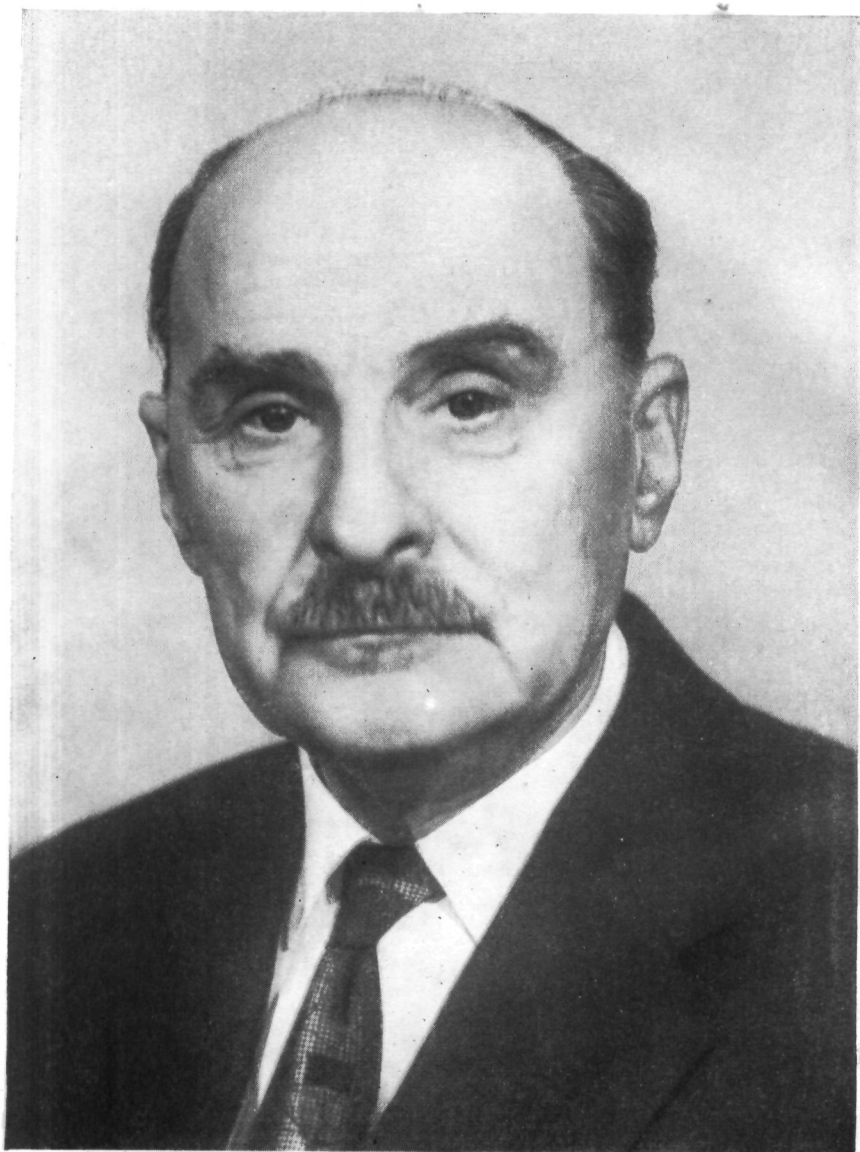
Масса трудящихся, организованная в профсоюзы, сплоченная и высокосоциальная, представляет в нынешней Японии главную действующую силу. Именно она ведет свои знаменитые «весенние» и «осенние» наступления, наступления на капитал; она ведет борьбу за ликвидацию угрозы превращения своей страны в атомную базу. Вероятно, именно эта трудовая Япония и поможет своей стране создать такое место в нынешнем сложном мире, которое позволит сохранить подлинную национальную, культурную, политическую суверенность и иметь действительно прочные и достойные связи со всем остальным миром.

* * *

Остается сказать последнее. Выше я отметил, что революция Мэйдзи была событием не только одной японской истории, она была событием и мировой истории. Активная роль народных масс Японии в развитии исторических судеб своей родины может вновь сделать Японию страной, в которой решаются вопросы, имеющие мировое значение. Потому-то к столетию революции Мэйдзи и правомерно спросить: не станет ли именно то, что произошло со страной в 1945 г., с чего начался нынешний этап ее истории, таким событием всемирно-исторической значимости?

В 1945 г. на Японию были сброшены первые атомные бомбы. Конечно, атомная бомба сама по себе есть, как сказал один из ее создателей, «хорошая физика», но то, что она была сброшена на головы людей, было вызовом уходящего старого мира совести человечества. Известно, как реагировали на этот вызов все честные люди на Земле. Не привела ли эта всемирно-историческая трагедия также к катарсису, переживаемому уже всем человечеством? Не напоминает ли он об анахронизме социальных отношений мира наживы и эксплуатации человека человеком? Организованное движение народных масс свидетельствует также и о том, что к Японии как одной из самых передовых стран капиталистической системы относятся слова В. И. Ленина, что между высшей стадией монополистического капитала и социалистическим способом производства нет больше новой стадии капиталистического развития: назрели материальные и социальные предпосылки нового строя, подлинно человеческого.

А если так, не останутся ли бомбы, сброшенные на Японию, не только первыми, но и последними? В таком случае 1945 год и именно в Японии станет исторической вехой всемирной значимости, вехой отсчета времени на указанном направлении пути всего человечества к новому миру. Пусть так и будет!

Н. И. КОНРАД

Н.И. КОНРАД
избранные
труды
ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1974